

Цзян Мянь закончил говорить и тут же вспомнил: в досье на Цзян Цинъяня содержался подробный психологический портрет. Тот был человеком замкнутым, нелюдимым, избегал людных мест, а в незнакомой обстановке без сопровождения знакомых людей испытывал тревогу и страх.

Он подумал, что парень вряд ли согласится.

Однако в зеркале заднего вида он увидел лицо своего босса — спокойное до жути, — и благоразумно проглотил предупреждение.

Позже вечером Цинъянь получил звонок от помощника Ли.

В тот момент он был занят изучением специальности, на которую учился Цзян Цинъянь, и, решив, что это отклик на отправленное резюме, ответил, не глядя на экран.

Едва связь установилась, собеседник не дал ему и слова вставить:

— Здравствуйте, господин Цзян. Я Ли Сэнь, помощник господина Шэня. Наш босс хотел бы пригласить вас на ужин. Скажите, вам удобно в четыре часа? Я заеду за вами, пожалуйста, не откажите в любезности.

Выпалив это, он, не дожидаясь ответа, повесил трубку.

...Что за бред!

Цинъянь отложил телефон, не придав звонку значения.

Он сидел перед монитором и, глядя на цифры, продолжал стучать по клавишам. Поначалу он взялся за это лишь из-за жизненных трудностей, но, втянувшись, постепенно нашел в процессе свое удовольствие. Мир этот был похож на тот современный мир, в котором он жил раньше, но интернет здесь развит слабее, особенно мобильный — 4G все еще находился в стадии разработки.

Это открывало перед ним широкое поле для создания софта: приложения для коротких видео, площадки для локальной электронной коммерции, сервисы доставки еды.

Впрочем, для него это были лишь концепции.

Чтобы воплотить их в жизнь, требовалось провести немало исследований. Денег у него не было, приходилось делать все самому, а это требовало глубоких профессиональных знаний.

Цинъянь понял: чтобы жить в мире, где царит закон, обладание мастерством и знаниями дает

гораздо больше свободы, чем врожденные преимущества доставшегося ему тела. Он пришел к выводу, что полагаться на этого паршивого типа куда менее надежно, чем развиваться самому.

Цинъянь самозабвенно погрузился в программирование.

Когда в дверь постучали, он с неохотой оторвался от кода. Развернув кресло-коляску, он направился к выходу. Не успел он разглядеть гостя, как услышал голос помощника Ли:

— Господин Цзян, я приехал за вами.

Цинъянь нахмурился. Он уже собирался позвать Цзи Синье, чтобы тот выставил незваного гостя, но внезапно вспомнил: в обед Цзи Синье говорил, что собирается навестить своего биологического отца.

Из сюжета он кое-что знал об этой ситуации.

Отец Цзи Синье развелся с матерью из-за измены. Позже он женился на той самой любовнице, но, несмотря на процветающий бизнес, детей у них не было. Вот он и вспомнил о своем единственном сыне.

Цзи Синье выглядел как утонченный интеллигент, но на деле был весьма коварен. Отец хотел, чтобы он сменил фамилию, и хотя парень охотно принимал от него деньги и подарки, на уступки не шел.

Подумав об этом, Цинъянь с полуулыбкой поднял взгляд на помощника Ли. Тот едва сдержал гримасу под его пристальным взглядом. Цинъянь отвел взгляд и сухо бросил:

— Поехали.

Помощник Ли с такой сноровкой управлялся с коляской, что сразу было видно: делает он это не в первый раз.

Цинъянь мог догадаться почему. Его вывезли из шумного продуктового рынка под ошарашенными взглядами соседей и усадили в роскошный автомобиль.

Машина выехала из деревни Жуншу. Низкие грязные постройки за окном сменились высотками, и вскоре они остановились у ресторана с антикварным оформлением.

Солнце еще не село, и, выйдя из машины, он ощутил острый запах пряного хого. Взглянув на вывеску, он невольно замер.

— Босс забронировал кабинку, он уже ждет вас внутри.

Помощник Ли отказался от помощи официанта и сам докатил задумчивого Цинъяня до двери. Постучал трижды, и изнутри донесся низкий голос:

— Входите.

Помощник Ли открыл дверь. Стол уже был накрыт.

В кипящем бульоне бурлили специи, источая резкий аромат. В клубах пара у окна стоял мужчина в темно-красной шелковой рубашке. Он держал в тонких пальцах сигарету, его глубокие глаза казались еще более загадочными в дымке.

Услышав шаги, он не обернулся, а лишь глухо произнес:

— Ли Сэнь, выйди.

Помощник Ли подкатил Цинъяня к столу и удалился.

Цинъянь смотрел на бурлящий котел с красным и белым бульоном, и в памяти всплыл тот самый ужин с личностью «денежного мешка». Неужели этот паршивец восстановил память?

Нет. Если бы восстановил, не заказал бы котел с двумя видами бульона.

В этот момент свет перед глазами померк.

Подняв взгляд, он увидел, что Шэнь Ланьшу подошел к столу. Он наклонился, чтобы затушить сигарету в пепельнице, и с грацией и достоинством опустился на стул напротив. Положив два пальца на меню, он медленно пододвинул его Цинъяню:

— Не знаю ваших предпочтений и ограничений, поэтому заказал наугад. Посмотрите, что еще хотите.

Цинъянь скользнул взглядом по столу и увидел, что все блюда — его любимые. Он нажал на меню и, глядя на серьезного мужчину, внезапно спросил:

— Почему вы еще здесь?

Прошлого ответа было достаточно, чтобы отвязаться от старика. Разве он не должен был уехать из города Жунчэн в тот же вечер?

Шэнь Ланьшу поперхнулся.

Эта откровенная неприязнь заставляла зубы ныть. Неужели он чем-то обидел его в прошлом?

Он слегка прищурил свои глубокие глаза, с досадой откинулся на спинку стула, скрестил ноги и постучал длинными пальцами по колену:

— Могу я спросить, почему вы так ко мне не расположены?

Цинъянь ответил:

— Разве для неприязни нужны причины?

Он не был настолько самонадеян, чтобы верить, что этот лишенный памяти паршивец влюбился в него с первого взгляда. Но его это раздражало: в прошлой жизни этот тип заставил его искать себя, а при встрече назвался «старшим братом». Он не устроил сцену сразу только потому, что в прошлой жизни вдоволь навоевался, но теперь жалел об этом. Лучше бы этот ленивец, который даже ходить не хочет, просто исчез!

Ленивец Шэнь Ланьшу снова поперхнулся.

Помолчав, он решил сменить тему:

— Я видел ваше резюме в сети. Вы закончили университет почти год назад, но в опыте работы — лишь закусочная. Скоро сезон выпускников, и по сравнению с ними вы уже год как оторваны от специальности. К тому же... — он сделал паузу, оценивая реакцию парня, — на месте босса я бы подождал еще пару месяцев, прежде чем нанимать новичка.

Цинъянь понял, к чему он клонит. По сравнению со свежее испеченными выпускниками, он — инвалид с годовым пробелом в карьере — не имел никаких преимуществ.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— Бульон уже давно кипит. Может, поедим и поговорим? — Шэнь Ланьшу взял палочки, опустил ломтик баранины в неострый бульон, а затем в острый. — Вам какой больше нравится?

— Острый, — Цинъянь ел хого в прошлый раз, кажется, в другой жизни. Сейчас это казалось таким далеким, что для него, человека с нарушенным восприятием времени, было удивительно.

Шэнь Ланьшу общими палочками опустил ломтик мяса в кипящий острый бульон и положил его на тарелку Цинъяня:

— Хотя вы отказались ехать со мной в Киото, я все равно должен позаботиться о вашем будущем перед отъездом.

— Вы хотите устроить меня на работу? — Цинъянь подцепил мясо и поднес к губам.

— Все зависит от вашего желания, — Шэнь Ланьшу положил палочки и сцепил руки в замок, глядя на парня, который откусил мясо и слегка нахмурился. В его глазах мелькнула улыбка. — Моя компания не занимается разработкой софта, подходящей должности нет, но мне нужен личный секретарь.

Личный секретарь занимался всеми личными делами босса. Насколько тяжелой будет работа, зависело от самого босса. У занятого начальника секретарь сбивается с ног, у ленивого — отдыхает. Шэнь Ланьшу даже ходил с трудом, и выглядел он не тем человеком, который не доставит хлопот. Цинъянь собирался отказаться, но тот, словно почувствовав его сопротивление, добавил:

— Зарплата тридцать тысяч в месяц. Если проявите себя, буду платить больше.

Отказ, готовый сорваться с языка, застрял в горле.

Этот ленивец попал в самую точку, прямо в его слабое место. Цинъянь заколебался. Подумав, он все же покачал головой:

— Я не хочу ехать в Киото.

— Не хотите?

Шэнь Ланьшу немного подумал, догадался о причинах и неторопливо произнес:

— Быть моим секретарем — это не то же самое, что ехать в Киото по приглашению старика. Второе — это жизнь на подачках, первое — путь к вашему собственному светлому будущему.

— Личный секретарь — это светлое будущее? — Цинъянь искоса посмотрел на него.

— Светлое будущее — это не сама должность, а расширение кругозора и связи, которые вы получите, находясь рядом со мной, — ответил Шэнь Ланьшу.

Лучше дать удочку, чем рыбу. По имеющимся данным, у Цзян Цинъяня была гордость, свойственная молодежи, еще не битой жизнью, а при коротком общении он уловил в парне врожденное высокомерие, которое тот старался скрывать.

Цинъянь долго смотрел на него и вдруг выдал:

— Если я стану вашим секретарем, не будет ли домогательств в стиле: если есть дело — работает секретарь, если нет — «работают» секретаря?

От этой фразы Шэнь Ланьшу поперхнулся слюной и закашлялся. Он прикрыл рот рукой, кончики ушей покраснели, а глубокие глаза увлажнились. Спустя долгое время он пришел в себя, потер уставшую переносицу и беспомощно произнес:

— Не волнуйтесь, меня не интересуют мужчины.

Сказав это, он вдруг осознал смысл сказанного и замер:

— Вы согласились?

Цинъянь молча кивнул. Если он хочет заниматься разработкой софта, ему нужны таланты и капитал. Возможность расширить кругозор и связи вместе с Шэнь Ланьшу прельщала его больше, чем просто зарплата, хотя и она была очень кстати. Конечно, это не мешало ему затаить обиду.

— Но я должен кое-что прояснить... — Цинъянь уперся руками в края стола и откатил кресло назад, чтобы его было видно целиком, и, не стесняясь, указал на свои ноги. — Мои возможности ограничены, и дело не только в объективных причинах.

Иными словами, помимо неходячих ног, у него не было опыта в секретарской работе.

Когда он говорил это, его лицо выражало такую искренность, что Шэнь Ланьшу мог лишь беспомощно вздохнуть. Но именно эта самокритичность вызывала у него уважение.

Как босс, он ценил способных, ответственных и исполнительных сотрудников, но самопознание было не менее важно. Брать на себя столько, сколько можешь потянуть, — это качество, достойное похвалы.

Он расслабился и с улыбкой посмотрел на парня. Тот был еще молод, только закончил учебу, на лице читалась некоторая неискренность, но он был трезвомыслящим и не потерял голову от внезапно свалившихся «сюрпризов». Он рационально отказался от помолвки, предложенной стариком для Цзян Мяня, и хотя в этом была юношеская дерзость, такое качество стоило ценить.

К тому же он заметил, что у парня удивительно спокойный взгляд. Даже когда он предложил высокую зарплату и удобства, глаза Цинъяня оставались твердыми и ясными. Он был зрелым для своих лет и, к тому же, очень красивым.

Стоило ему подумать, откуда взялась эта зрелость, как сердце дрогнуло, а в душе шевельнулось странное чувство сожаления.

То, что он был тронут, он понимал, но что за чертовщина с сожалением?

Он нахмурился, сделал глоток холодного апельсинового сока, чтобы охладить пыл, и смягчил голос:

— Я лишь даю вам шанс. А воспользуетесь ли вы им — зависит от ваших способностей.

Цинъянь не знал, что за это короткое время мужчина успел столько передумать. Услышав его слова, он подкатил кресло обратно, налил себе сока, поднял стакан и изогнул губы в улыбке:

— Тогда давайте заранее договоримся, что будем работать дружно?

Эта улыбка мгновенно стерла холодную отчужденность. Шэнь Ланьшу смотрел, как глаза парня загораются, словно звезды в ночном небе. Они были прекрасны, ярче тех, что он видел в прошлый раз. Этот блеск ослеплял, в горле пересохло, и на мгновение ему показалось, что он слышит, как бешено колотится сердце в груди.

Чтобы скрыть свое состояние, он поднял свой бокал и чокнулся.

Ужин прошел в приятной обстановке. Когда они закончили, Шэнь Ланьшу спросил, сколько времени нужно на сборы. Цинъянь погладил слегка округлившийся живот: хого здесь было не очень аутентичным, остроты не хватало, но он так давно не ел его, что не удержался и переел.

Он лениво откинулся на спинку коляски:

— Послезавтра.

Завтра — седьмой день со смерти дедушки. Став его внуком, он должен был исполнить свой долг. Это он усвоил за две жизни.

— Хорошо, завтра я заеду за вами.

Шэнь Ланьшу тоже вспомнил про седьмой день. Он оплатил счет и повез Цинъяня домой. У въезда в деревню Жуншу они застряли: в час пик узкая дорога была забита торговцами овощами и местными жителями.

Шэнь Ланьшу велел помощнику припарковаться у обочины, сам же закатал рукава рубашки, обнажив крепкие предплечья, и вышел из машины.

Помощник Ли быстро достал коляску из багажника, а Шэнь Ланьшу обошел машину, открыл дверь и бережно взял Цинъяня на руки.

Телу Цинъяня было двадцать три года. Ноги хоть и не ходили, но благодаря уходу мышцы не атрофировались, поэтому он был вполне себе крепким парнем. Но Шэнь Ланьшу поднял его без малейшего усилия, словно тот ничего не весил.

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул. Цинъянь был поражен, особенно когда почувствовал через тонкую ткань рубашки рельефные мышцы груди — неужели этот ленивец, который даже ходить не хочет, тратит время на спортзал?

И только сейчас он заметил, что от него исходит тонкий аромат парфюма. За легким запахом табака угадывались нотки лотоса. Цинъянь хмыкнул про себя, скользнув взглядом по суровому лицу вниз. Темно-красная шелковая рубашка без пуговиц на воротнике открывала полоску крепкой груди, делая его похожим на ходячий гормон.

Кто из нормальных людей носит такую вызывающую рубашку?

Цинъянь отвел глаза, не заметив, как у Шэнь Ланьшу покраснели уши.

Взгляд парня был словно раскаленный нож, Шэнь Ланьшу боялся даже дышать. Он аккуратно опустил Цинъяня в коляску и с облегчением выдохнул. Но тут взгляд случайно упал на кожу парня у воротника. После дождей в Жунчэне наступило раннее лето, и на юге было жарче, чем в Киото.

Сегодня на Цинъяне была белая рубашка, верхние пуговицы расстегнуты, открывая тонкую шею и изящные ключицы. Кожа была белее ослепительного солнца, и сердце Шэнь Ланьшу тревожно забилось.

Он незаметно отступил за коляску. Сверху он не только видел макушку парня, но и мог заглянуть в расстегнутый воротник. Зрелище было ярче заката, у него перехватило дыхание, лицо залило жаром.

Черт возьми.

Шэнь Ланьшу поспешно отвел взгляд. Он ведь только что заявил, что мужчины его не интересуют, а теперь сердце колотится, как сумасшедшее. Если Цинъянь узнает, то решит, что у него есть тайные мотивы!

Он подавил волнение и посмотрел на Ли Сэня:

— Ты проводи господина Цзяна.

В этот момент белый БМВ пронесся мимо, едва не задев плечо Шэнь Ланьшу. Дверь водителя открылась, и из машины вышел Цзи Синье в белой рубашке и черных брюках, поправляя очки:

— Жenuшка, почему не позвонил, когда вышел?

Он протянул руку к ручкам коляски. Но тот, кто держал их, не сдвинулся ни на дюйм. Рука Цзи Синье зависла в воздухе. Он замер, затем снова улыбнулся и вежливо сказал:

— О, господин Шэнь тоже здесь. Прошу прощения, не заметил.

Высокий мужчина повернул голову, его длинные ресницы отбрасывали тень на веки, а лицо, высеченное словно из камня, выглядело холодным и отстраненным:

— Твои глаза для красоты?

Такой человек стоит прямо перед ним, а он «не заметил».

— Что вы сказали? — опешил Цзи Синье.

Шэнь Ланьшу хмыкнул, толкнул коляску, плечом оттеснив ошарашенного Цзи Синье, и, наклонившись, тихо сказал:

— Раз я привез его, я и должен доставить его домой в целости и сохранности.

Эти слова предназначались и Циньяню, и Цзи Синье.

Помощник Ли, уже было занесший ногу, чтобы уйти, тихо поставил ее на место.

Цзи Синье лишь спустя долгое время понял, что его называли слепым. Его красивые глаза холодно блеснули, он запер машину и, бросив ее прямо посреди дороги, двинулся следом.

Циньянь, из-за которого разгорелся спор, вел себя так, будто ничего не слышал, и невозмутимо сидел в коляске. Ему было все равно, кто его везет.

— Жenuшка...

— Цзи Синье, следи за словами, — нахмурившись, прервал его Циньянь.

Цзи Синье помрачнел, метнул острый взгляд на мужчину рядом, глубоко вздохнул и постарался успокоиться:

— Я просто привык так называть тебя за столько лет, трудно отвыкнуть. В следующий раз буду внимательнее. Но Циньянь, почему ты с господином Шэнем?

Он сопровождал отца на встречу с клиентом, даже не поужинал, а тут — на тебе, откуда-то взялся этот Шэнь!

Его голос звучал легко, будто он просто спросил. Но Шэнь Ланьшу, уловив нотки ревности, не смог сдержать усмешки. Он-то думал, что у них любовь, а оказалось — «не знать истинного лица горы Лушань». Это открытие успокоило его раздраженное сердце.

Циньянь ответил коротко:

— Господин Шэнь пригласил меня на ужин.

— О, — сухо отозвался Цзи Синъе, вдруг что-то вспомнив, и улыбнулся: — Завтра седьмой день дедушки. После этого дня господин Шэнь возвращается в Киото?

Он смотрел на макушку Цинъяня, но вопрос адресовал Шэнь Ланьшу.

<http://bllate.org/book/19897/1958727>